

УДК 130.2

МЕТАФОРА «ВОПЛОЩЕНИЯ» И ЕЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ИМПЛИКАЦИИ

Костенич Владимир Анатольевич
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии Могилевского государственного
университета имени А.А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Человеческая культура представляет собой сложное и многоуровневое образование. Она есть совокупность исторически складывающихся, надбиологических по содержанию и знаково-символических по форме артефактов и программ поведения, общения и деятельности, посредством которых человек ре-

ализует свои сущностные силы и расширенно воспроизводит уникальные экзистенциальные масштабы собственной социальности. Говоря о «надбиологичности» культурного инобытия «естественного» человека, мы окольно визируем сам факт его латентной принадлежности «природе», в качестве эволюционной вариации «биологической особи». Человек оказывается при этом «одним из множества природных тел», чья «биологическая конституция» являет собой «пробу разнообразия» и подвержена всем пороговым испытаниям на «физиологическую прочность» со стороны внешних воздействий и стрессовых переживаний.

Уже здесь, культурологический анализ натывается на «фактуру телесности» и вступает в археологические раскопки ее самобытно человеческих ингредиентов и смыслоизмерений. Первым и напрашивающимся маркером человеческой телесности выступает категория «плоти», в ее нетривиальных версиях возжелания и аскетизма, семи смертных грехов и религиозно сакрализованных усилий по диетическому обузданию оных с помощью различных медитативных практик и усердий «постного воздержания».

В силу того, что человек изначально квартирован в пространство собственного тела, очерчивающего его природную онтологию, возникают фрейдовские сюжеты «раскрепощения» наших плотских «ОНО-желаний», стремящихся к эротическому «обладанию близостью» с «объектами наслаждений» и их культурно разнообразным «обуздыванием» в режиме творческих или деструктивных сценариев «сублимации» природных инстинктов и фрустраций. Вместе с тем, памятуя о том, что человеческая культура всегда и непрерывно «аранжирует» наши плотские сладострастия символическими иносказаниями, шифруя их динамические турбулентности в искусственных мыслеформах этикетного дискурса, религиозных томлений духа, художественных манифестаций, идеологической полемики, правовых регламентаций, философской алхимии диалектических оппозиций и либеральной политорекренности, возникает интеллектуальная необходимость слегка визуализировать «телесные подстрочники» нашего многоликого бытия.

Как нам представляется, достаточным культурологическим потенциалом обладает, в этой связи, метафора «воплощения», позволяющая найти «общий язык» и смысловую ткань для (внешне) совершенно разных областей социального бытия. Эта словоформа фиксирует своим содержанием различные аспекты и механизмы культуротворческой деятельности, обеспечивающие саму «органику» её исторических проявлений и мировоззренческих интенций. Она ориентирует на осмысление процессов «продуцирования многообразия артефактов» человеческого бývания в бытии, их этических подтекстов и эстетических репродукций. Вот несколько, культурфилософских, сюжетов.

Во всех мифологиях народов мира присутствует нарратив о «Первочеловеке», который на заре становления Космоса из Хаоса пожертвовал собственным телом(!) в качестве «строительного материала» для насыщения Космоса различными предметами, смыслами, и событиями. Исходя из этого, анатомия человеческого тела рассматривается (в мифологической традиции) как метафорический словарь для понимания и освоения устройства бытия в целом. Данный миф архетипически повествует о том, что всякий раз, когда тот или иной человек пытается сотворить (и/ли «воплотить») в своем лице нечто новое и эпохально-бытийное, он должен быть готов к определенным жертвенным усилиям (в том числе и жертве собственной жизнью) ради существования своего творческого продукта-смысла (примеры Сократа, Иисуса, Джордано Бруно и несть им числа, вряд ли требуют особого комментария). Попутно заметим, что в этом мифологическом эпосе первично обыгрывается (пред)понимание того, что «бытие человеком» предполагает «жертву своей (телом репрезентируемой) «животностью», преобразование её тотемистических сакрализаций и инцестуальных привязанностей.

Особым вариантом метафоры «воплощения» выступает историософия «Отчизны» или (в менее архаическом словопринии) «Родины», как культурологическая топология нашего «социального тела». В данном смысловом контексте телесность, как родовое основание человеческого «Я», рассматривается через призму изначальных переживаний «крови

и почвы», т. е., в ракурсе этнически-расовых, национальных, корпоративных, патриотических и геополитических версий, где человек идентифицирует архитектуру собственной «бытийной местности» через экзистенциальные детективы поиска «своего» в штормящем море «чужого». Именно на этом уровне человеческого бытия, из недр наших «частнособственнических теней» всплывает и заполняет человека танатология «измены», как покушения на «кровные интересы» нашего физического и социального естества со стороны «адультеров соблазнов», в их индивидуально-личных и идеологически многоликих «обликах и личинах». Измена Родине приравняется к изменам плоти.

Еще одним из проявлений метафоры воплощения, абсолютно авторитетным для культурологических штудий, выступает пространство наших «символических импликаций», как средоточие «знаковых тел-значимостей» или «социальных предметностей», с помощью которых человек сообщает себе о разнообразных вариациях своего размножаемого «инобытия» в формообразованиях повседневности. Фактически, сам «мир культурных артефактов», представляет собой постмодернистское «тело без органов», или созданные человеческим усилием «воплощённые реальности» бытия, «детича» наших интенций транслировать собственные бытийные ресурсы в ту или иную предметно-смысловую оболочку, с целью наделять своё существование «плот(ь)ностью» присутствия.

Особым культурно-историческим статусом наделены такие «нематериальные тела», как ценности и смыслы. «Ценности» есть смыслы (и символические плоти) человеческой Души, а «смыслы» есть ценностные плотьотточия нашего Духа. Руководствуясь философскими коннотациями, душу можно рассматривать как такую инстанцию человеческой сути, которая состоит из сверженных для каждого человека и лично-значимых для него «тел-переживаний», субстратов потрясённости бытием, светотеней нашей взволнованности сущим.

В тех же случаях, когда (чи-то) уникальные человеческие плоть(ть)скости переживаний, воплощённые в том или ином социальном артефакте, получают неожиданный или запланированный «о(т)клик» в душевных регистрах Других людей и обретают свою наиндивидуальную рецептивность, происходит (культурофундированное) рождение того, что принято называть «духовным событием». Духовность, таким образом, оказывается, культурно-исторической ойкуменой всего того, что свидетельствует собой о взаимодействии и ментальном соитии исходно суверенных, разделённых в пространстве и времени человеческого бытия, но личностно родственных друг другу, драматургий душевных бракосочетаний.

Правда, человеческая духовность нередко миропомазана в альтернативные ипостаси «святого и злого» Духа, интонирована синергетическими «хаос-космосами», балансирует в между-речьях «катарсиса» и «грехопадения». «Святой» (он же «светоплодный») Дух, предполагает бытийную ориентированность человеческого «Я» на подвижнический поиск и осмысление высших мировоззренческих сингулярностей в лице Истины, Добра и Красоты, как органических ингредиентов нашего смыслового рациона, как «плоти» самой Абсолютности «благородства». «Злой» же дух характеризует собой «улики одержимости» человеческой природы «бесами» гордыни, зависти и ненавидящей неприязни к Иному и Другим людям, их «несъедобности» для нашего самомнения и чванливо «чавкающей» самодостаточности.

Особым воплощением «злого духа» (в спектре его человеческих попущений) можно считать нашу безответственную способность поощрять своим хилым безучастием своеобразный «недород бытия», в лице «допущенных к существованию» наших «творческих черновиков». Речь идёт вот о чём. В свое время, античный философ Платон, размышляя над вопросом о взаимосвязи идеальных первосмыслов Разума ПервоЕдиного и того «материала», во плоти которого Мироздание обустривает софийную встречу формы и содержания, обнаруживает печальное обстоятельство несоответствия «идеи Блага» и «мира Иного», как её свершившейся версии.

Платон выделяет при этом три варианта реализации идеального в инаковостях земного бытия:

• Вариант подражания. В данном варианте идеальные логосы Разума воплощаются в том или ином «бытийном теле»

стихийно и бессвязно, выступая лишь неким внешним карикатурным *подобием и имитацией* своих исходных абсолютных первосмыслов.

• *Вариант причастности*. В варианте причастности данная взаимосвязь характеризуется тем, что определённые бытийные образования воплощают собой (в качественно ставшей форме), те или иные проекты *Благачастно и частично*, т. е. относительно и условно, плуруя в путях времени и оговорках обстоятельств. Здесь, все ещё не происходит того, что позднее, религиозная мысль зашифрует в священнодействиях «*тайнства причастия*». Бог смысла касается разверстых уст наших творческих молитв, но сами они оказываются не способны осилить манну небесную святого вдохновения и растворить благое в перистальтике своего духовного чрева. Вместо Добра, Истины и Красоты в бытие отправляются облагороженные бастарды «доброего, красивого и истинствующего». Свершается заступ недоступа...

• *Вариант присутствия*. В варианте присутствия имеет место *абсолютное, совершенное и идеальное совпадение* идеальных содержаний Разума и их «опредмеченных двойников», в результате чего последние оказываются как раз теми «телами-шедеврами», посредством которых творческий замысел осуществляет себя в своей бытийной полноте в лице чего-то (или кого-то) Иного.

Кстати, несколько позднее, эту же бытийную рассогласованность будет обсуждать средневековая мысль, запинаясь и заикаясь в интеллектуальных швах религиозной *«теодицеи богооправдания»*. Там платоновские дискурсы будут транспонированы в схоластические хитросплетения «творения из Ничто», с последующим обоснованием бытийных отличий между «богоподобными» и «ничтожными» тварными воплощениями божественных предвосхищений Сущего.

Пытаясь философски разобраться с парадоксом порождения «неблагоего и неблаговидного», Аристотель, предлагает (в качестве направления интерпретации) *рассмотреть структуру любого, простейшего акта человеческой продуктивности*, в контексте которого человек осуществляет материализацию своих замыслов. Он выделяет в данном «акте» *четыре так называемых* первопричины бытия всякого сущего:

• *«Материальную»*, характеризующую и указывающую на тот бытийный «материал-плоть», из которого мы пытаемся сотворить некую «чтойность».

• *«Формальную»*, эксплицирующую те первичные «смыслы», посредством которых, тот или иной материал «трансформируется в нечто» и наделяется сущностью для него «этойстью» (т. е. бытийной поименованностью), обретает свою «очевидность» и «фактичность».

• *«Действующую»*, благодаря которой реализуются разнообразные варианты «социальных практик и духовных технологий» преобразования исходного материала в некую бытийную «качественную определенность».

• *«Целевую»*, извещающую о том, «ради чего», в силу каких экзистенциальных потребностей и миссии, определенное воплощение *допускается в бытие* в качестве уникального «Иного».

Аристотель полагал, что причинами «несовершенства» того или иного воплощённого бытия является то, что формальная, действующая и целевая первопричины, либо в совокупности, либо по отдельности, демонстрируют свою *«немошь» преобразовать и преобразить* тот аморфный «материал», на воплощение которого они изначально были нацелены и претендовали. В итоге же: 1) *творение торжествует над Творцом*, 2) творение начинает не столько представлять самого Творца, сколько становится событием отчуждения его сущностных усилий от плоти, которую он сотворил, и 3) (человеческое) бытие кумулятивно перенасыщается «несовершенным и несовершенством».

В русской религиозной философии эстафету дум о драмах воплощения творческих порывов человеческого ума в экспонатах бытия настойчиво и экспрессивно осмысливал Бердяев, пришедший к неоднозначному выводу о том, что *всякое Творчество* (в том числе и, возможно, божественное!) обречено «ничтожиться» в своих осуществлённых «временностях». Подспудно эксгумируя известный ревизионистский тезис «движение – всё, конечная цель – ничто», Бердяев прокламирует «сотериологию Творчества», как процесса непрерывного «побега»

нашей душевной и духовной интенсивности из пропастей фальстарта «воплощения недо воплощений».

В конечном счете, метафора воплощения оказывается «превращённой формой» наших этических испытаний на «право творить» не по «умолчанию проб и ошибок», а по зову нужды в том, что «Должно быть»!

Творить насыщено и тотально ответственно! Воплощать себя в экзистенциалах «заботы» о Мире, лишённом хтонических чудовищ нашей бытийной неприязнительности и вопиющей небрежности к своей подписи под «актом внедрения»...